

Среда, 20 июня 1984 года

ГАСТРОЛИ

ДИАЛОГ БЕЗ РАВНОДУШИНЫХ

ГАСТРОЛИ Государственно-академического театра имени Евг. Вахтангова на исходе. И уже сейчас можно подвести некоторые итоги, сложившиеся из спектаклей, творческих встреч.

На одной из таких встреч народный артист СССР М. Ульянов сказал: «Сейчас время особого театра. Не новаторского в драматургии, не режиссерски виртуозного — театра позиционного. Когда зритель в зале не просто с интересом следит за действием — ишь, как ловко у них все получается! — а с настоящим волнением, сопереживанием поддерживает или отвергает позицию героев».

Думается, в этом высказывании можно увидеть credo и самого Вахтанговского театра. В тех четырех спектаклях, что привезли нам гости с Арбата, покоряла в первую очередь четкость трагических, повествовательных устремлений, полнота мироощущения театра, активность его позиции.

КОГДА-ТО спектакль «Фронт», поставленный вахтанговцами в Омске в 1942 году, был совсем иным спектаклем.

Командующий фронтом Горлов в исполнении А. Дикого искривлен не понимал, как устареяли его методы войны, с чистотой стариковской мудростью сетовал на увлекающуюся современной техникой молодежь, которая и пороку то не пошла, а сам страдал от своих поражений не в силах осмыслить их причины.

Прошло время. И тот же вахтанговский театр предложил нам иную трактовку.

Огневу — народному артисту

РСФСР В. Аномова — трудились выдерживать сражение, потому что борется он даже не с конкретным человеком — с явлением. М. Ульянов показывает нам тип зарвавшегося рутинера, для которого главное — не успех дела, а утверждение собственного «я». Особая какая-то походочка, орлиный взор, подчеркнута простецкие замашки — Горлов будто все время позирует тому фотографу, что «щелкает» его в первой сцене для фронтовой газеты. И даже встреча брата, он сначала перепутывает: по-петушиному подкочит к столу, небрежно облокотится о край, растянет губы в сладко-снисходительную улыбку...

На позднейших Горлов улыбки не трагит: в дело вступает морозно-издевательское: «Молчуток». Шарж, карикатура. Ульянов играет слово спектакль в спектакле, замечательно создавая острый, характерный рисунок роля. Но от такого шаржа становится страшно, ведь рядом — поворот сцены — иррадирует в окопах бойни, и их судьбы тоже — на кончике карандаша Горлова.

Возможно, целостности спектакля разность актерских манер и повлекла. Но основная мысль, которую подкрепляет режиссер, — с воистинством рутинерством, живым и в наши дни, нужно смело бороться — вымывает взлобленную ответную реакцию зрителей. Нездоров так горчико-аподрозует зал отговорной огневской победе и поражению Горлова, сразу свежившегося, как саутый воздушный шар. Внутри-то ничего и не было...
ЖАНР другого спектакля

«Будьте здоровы» по пьесе П. Шено оспаривает четкое «комедия». И все здесь развивается по законам комедийных: тугой уезд интрига запутывается, распутывается, снова запутывается, герои истою делают наследство — как выясняется, несколько преждевременно, переходят от радости к комичному отчаянию, чтобы в итоге в изумлении взирать на ворляющую экономку Луизу (засл. арт. РСФСР В. Васильева), неожиданно для себя оказавшуюся обладательницей миллионов, как вдруг...

Словом, живой динамичный спектакль не дает нам перевести дух. Актеры вахтанговской школы, прекрасно владеющие яркой театральной формой, щедро демонстрируют нам свое мастерство. И не оставляют нераскрытым второй пласт спектакля: в мире, где царят деньги, и моральные ценности легко поворачивать в злой монет. Эта мысль явно проливается в столкновениях двух соперниц за наследство (Е. Иволгина и А. Петерова), в переживаниях профессора (засл. артист РСФСР Г. Абрикосов). Но особенно явно подчеркивает ее шарж нар. артиста РСФСР В. Шалевича Людвиков Мерккур.

Тут надо сказать несколько слов. Эту роль традиционно исполнял нар. арт. РСФСР В. Этуш. На гастролях в Хабаровске он заболел — пришлось срочно возвращаться в Москву. И теперь, глядя на хитрого ловчила с белоубоу-рекламной улыбкой, на тонкого делатю, которого лишь шаг отделяет от преступления, и он уже готов сделать этот шаг, чтобы в последний момент все же опомниться и разразиться яростным

монологом о губительности денег — мы ни за что не скажем, что исполнителем этой роли учил ее чуть не в поезде и играет практически без репетиций. Больше того, Людвиков Мерккур оказался центром спектакля и, пожалуй, самой любопытной, живой, неоднозначной фигурой лихо закрученного действия.

НО ПОИСТИНЕ «гвоздем» вахтанговского репертуара стал «Ричард III». Заметим: владивостокским зрителям везет на Ричарда. И только за два последних театральных сезона мы могли увидеть их... четыре. Курьезные совпадения? Но совпадения — совпадениями, а столь разные театры обратились к одной и той же пьесе не случайно. С классическими произведениями бывает так: лежат себе до поры на полках, и вдруг — словно ветер прошел — их поднимают, ставят все. Что там отозвалось, что срезо-ндровало?

«В Гамлете мы истою разгадываем загадку самого героя. В Ричарде с героем все ясно. Заверенный злодей. В свое время великий артист Качалов даже отказывался эту роль исполнять — она казалась ему слишком однообразно-отрицательной».

И все же — загадка в «Ричарде» есть. Загадка власти. Секрет — головокружительной, как бы мы сейчас сказали, карьеры злодея, с которым вроде бы всем все ясно. Почему не смогли его вовремя остановить? В наше тревожное время, когда миру угрожают новые злодееподобия, загадка немаловажная. Каждый театр ищет здесь свой ответ. Мы видели разных Ричардов — и тонкого интри-

гана, и злодея по убеждению, бросившего вызов несовершенному миру, и уважаемому, цветущему — самого совершенного негодяя из окружающего его негодяев. Но каждый раз перед нами вырастала личная масштабная и неординарная. И вдруг...

...Это — Ричард? Это маленький, гаденько улыбающийся человек, которого не сразу и различишь среди высоких, статных лордов, рядом с махляной-троном, а может, поместом для казней? Вот этот нетесанный, недалекий горолапан — за злодеящая фигура, что подает и умных полководцев, и смельчак волях, проложит кровавую дорожку к трону через убийство врагов, друзей и близких? Да полагает!

Первая реакция на спектакле — именно удивление. Все-таки столько читали о Ричарде, столько слышали... Выдающийся должна быть фигура!

В герою Ульянова нет ничего выдающегося. Ну, разве — неперомная злобность мелкой себичности, что, зависая сильною, властного хозяина ластится у ног, а стоит зеваться — тут же хватит за ногу, да и забьется в делью...

Кекие уж там тонкие интриги! Дал достижения своей цели Ричард знает одно: любовное, немудрящее, зато безотказное средство — убийство. И махляна-трон будет только успевать сделать своей багровою ластью, прихлопывая очередную жертву.

С этим зарвавшимся хамом с ухватками лавочника действительно все ясно: с самого начала — никакой он не властелин мира, так, мелкий карьер-

рист, которого и в расчет-то не стоит брать...

Вот то-то и оно. Ричарда поначалу и не берут в спектакле в расчет. Но он играет Ричардом — они им играют, его тулой жестокостью, звериной хваткой — в расчете на то, что в решающий момент эту тварь можно просто оттихнуть салогом. Но даже из недалекой истории мы знаем, как опасно не брать в расчет взбешившихся лавочников.

В спектакле есть прекрасная сцена. Холодный, умный полкит герцога Бакингема (арт. А. Филиппенко) добыл-таки Ричарду корону. Путаящийся в кровавом плаще Ричард, пытки и спотыкаясь, отталкивая помогающие руки, выбрывается по злодейскому тропу, который буквально стянул, как кусок мяса, вз-под нога завезавшихся наследников. И, еще не опомнившись, неует руки брезавло оторачивающемуся от него Бакингему. А через некоторое время, уже будет сам, издевательски ерничая, тянуть руку для поцелуя своему благодетелю. Да так, чтобы тот, умный, бестыкий, пониже склонился...

Вот уже действительно — нет ничего страшнее глумления над ничтожеством. Но кто и допустил его к власти, как не эти же умники Бакингемы? И опит — что-то неудовимо знакомое, как отрывистая гитлеровская команда, мелькает в лавочных прикказах Ричарда.

— В принципе к Ричарду — демону, дьяволу уже приплыли. Мы и хотели показать, что бывает, когда все доступно и все дозволено становится маленькому, подлому человеку, — говорил на одной из встреч М. Ульянов.

В этом спектакле актер показал поистине высоту своего мастерства, раскрыв перед нами черные глубины издевательской зависти и мстительностью душонки. Постановка нар. арт. СССР Р. Капалана превлакает еще и выразительной лаконичностью средств. Декорации — один трон-помост, мизансцены — без излишней мноточифурности. Интересно решены образы убийц: они следуют за Ричардом несмысленными тенями и в коротких промехушках между «делом» пристально глядят в зал, так что и пожелайся... Так же методично и ловко — дело зная! — эти монки воткнут в физзале нож в обезумевшего от страха хозяина — Ричарда. Колен закономерный. И трон-улышка снова окрасится в кровавый цвет: нельзя кунуться в убийствах и не поплываться за это, уделая в моровой бойне...

ГАСТРОЛИ вахтанговцев завершаются. Мы встретились с интересным коллективом, продемонстрировавшим нам неузнаваемость своих школ, высокое актерское мастерство, а главное — стремление быть в туже жизни, отвечать на судьбе животноществу сегодняшних времен.

«Мы живем в серьезное, сложное время. И задан — театр должен предавать зрителям серьезный, сложный диалог. Не диктовать готовые ответы на вопросы, а искать их вместе со зрителем», — говорил об встречах с владивостокцами М. Ульянов. Думается, что такой диалог у театра со зрителем состоялся.

Н. БАРАБАШ